Устало сижу, пиля взглядом стол. Настроение поганое, рядом нет антидепрессантов биологического происхождения — брата, кошки с котом или, на худой конец, хомячка. Рядом вообще никого нет. Только записка, обнаруженная на столе, придавленная увесистым свитком, показывает, что Итачи все же возвращался домой. Правда, ни его, ни отца, не наблюдается в ближайшем окружении, да и во всем доме. Я вновь нахожусь одна и это даже к лучшему. Не уверена, что они бы оценили мой угрюмый вид, а отвечать на вопросы я не хочу, всю ночь раздумывая над своим сном и вздрагивая от каждого шороха. Уснула только под утро, проспала от силы пару часов и сейчас организм активно намекает, что такое издевательство над ним в моем возрасте — непозволительно. Впрочем, плевать. Меня волнует другое.

Шаринган. Проклятые глаза Клана Учиха. Откуда это вообще взялось в моем мозгу? Впрочем, откуда я уже поняла, в госпитале и на улицах, после переезда в новый дом, постоянно шептались о проклятых глазах моего Клана, просто тогда я его названия не знала. Возможно, я слышала об этом где-то еще. Сон про подругу, это может быть взбрыком моего подсознания, где накопилась критическая масса и мозг решил хоть так обратить мое внимание на все странности, дав ответы на часть вопросов. Как говорится, не таблица элементов, но так и я, не Менделеев, и даже не гений. Стоит брать что дают, тем более, есть еще один вопрос… правда ли в глазах того девятихвостого чудовища крутились томоэ?

Ками-сама, прошу, пусть это будет моим воображением!

Вздох. Не стоит обманываться. Я была маленькой, но не слепой.

— И о чем же наша малютка-химе размышляет с таким мрачным видом? — ехидный голос раздается рядышком, из-за чего я едва не наворачиваюсь со стула, но быстро восстанавливаю равновесие, чуть морщась от стрельнувших болью рук, что отдалось в спине. В поле зрения моментально появляется цветущая ехидной улыбочкой рожа Шисуи. В другое время, я бы ему порадовалась, без него было скучно.

— О! Ты уже вернулся? — скептично оглядываю парня, старательно игнорируя его вопрос.

— Да, еще вчера, — мне отвечают с улыбкой, буквально излучающей волны позитива, правда, они удачно огибали меня, явно боясь затухнуть в депрессивной ауре. Да, настроение у меня не очень, появление неучтенного элемента на кухне, нисколько этого не исправило. — И все же, что за мрачные думы тяготят ваш прекрасный лик, Саске-химе-чан?

— Я думаю о том, что взрослые плохо влияют на ни-сана, они заражают его маразмом, — мой голос довольно едкий, а чужие глаза удивленно расширяются. Я прямо вижу его потрясения и не удивлена. До сего момента я никогда не высказывалась резко о брате. Для меня он был неприкосновенен и вообще на пьедестале. Только вот других ответов я ему дать не могу, не рассказывать же о своих мыслях?

— Эммм… — своим мрачным ответом я явно сбила его с мысли, поэтому с кислым видом протягиваю ему листок, исписанный каллиграфическим почерком. Красивым, но вот содержание… в обычном состоянии оно бы меня просто расстроило или бы вызвало желание поклянчить нужную тренировку, как Итачи вернется, тот бы точно согласился, почувствовав себя виноватым, сейчас же внутри зреет желание что-нибудь разнести. — Что это?

— Читай, — фыркаю, вместо ответа.

— Саске, я приготовил завтрак, он в свитке, съешь его, прежде чем отправиться на занятия. Итачи, — недоумение на чужом лице настолько явное, что на секунду мне кажется, что вокруг него плавают знаки вопросов. Большие такие, жирные. — И в чем проблема?

— Как мне достать его из свитка? — тихо рыкаю. — Меня этому не учили, любые просьбы игнорируются, мне на все отвечают, что это я буду проходить в Академии ниндзя…

— Саске-чан дуется! — в чужом голосе столько восторга, а после чужая рука ложится мне на голову и ерошит волосы. Силы он почти не прикладывает, но мне хватает. С тихим шипением откидываю его руку, хватаясь за больной затылок. Шишка за ночь только выросла и разболелась сильнее. — В чем дело? — Шисуи моментально становится серьезным, резко и непреклонно убирая мои руки от головы, зарабатывая еще одно болезненное шипение, когда

блокирует удар локтем в живот. Синяки на них тоже не успели сойти, лишь расцвели новыми красками, доставляя серьезные неудобства, в особенности криво-косо повязанный бинт. У меня только спина более или менее отошла, лишь изредка тянет болью, но там даже синяков быть не должно. — Так… и откуда это? — чужой взгляд крайне мрачен, судя по всему, шишка и ярко выделяющиеся на бледной коже синяки, произвели на него неизгладимое впечатление. Я ведь даже сопротивляться не смогла! Он просто срезал кунаем бинты, которые я накрутила на руки, а после и шишку ощупал, попутно заметив другие повреждения, без спроса вначале оттянув ворот, после и вовсе задрал майку, разглядывая что-то видимое только ему. Я, к сожалению, осмотреть спину не смогла даже в ванной, зеркало было высоковато, да и на фоне всего остального… она забылась. Зря, судя по взгляду, которым меня одаривают, цепко изучая выражение моего лица. Он мне даже отвернуться не дал. — Саске, я жду ответа.

— Ударилась, — произношу довольно неохотно. Он вскидывает бровь, всеми своим видом показывая, что требует более развернутого ответа. И я уже достаточно его изучила, чтобы понять, что отвечать все же придется, иначе попрется выяснять. Ничего не узнает о травмах, зато станет известно истинное отношение меня со сверстниками. Не скажу, что это меня расстраивает, но слушать лекцию о любви, дружбе, жвачке… увольте, я и сама понимаю свои косяки, чужие слова ничего не поменяют, тут мне самой надо показать, что чего-то стою и без поддержки Итачи с Шисуи. — Вчера вечером, ни-сан вел себя странно, а после его глаза покраснели…

— Ты хочешь сказать, что испугалась Итачи и получила увечья? — скептицизм буквально пропитал его слова. Да что там! Он будто выделяет его каждой порой своего тела! Ну, на его месте, я бы тоже в такое не поверила.

— Нет, — мотаю головой и тут же об этом жалею. Приходится тратить время, чтобы прийти в себя от боли простреливше затылок. — То-сан почти сразу забрал ни-сана на собрание, я ударилась позже.

— Саске… — Шисуи явно не оценил очередную паузу. Такое ощущение, что он уже в голове проработал целые теории заговора, но пока у него не получалось соотнести бедную, зашуганную героиню его фантазий и меня, скотину и язву обыкновенную, которую заботит только мнение брата и матери с отцом по остаточному принципу.

— Мне приснился кошмар, — тоскливо вздыхаю, отводя взгляд. Перед глазами вновь картинка девятихвостого лиса, которого окружает огонь и дым. В ушах звучат панические крики, липкий ужас сжимает грудь. — Я видела огромного лиса с девятью хвостами, чья шерсть отливает алым цветом из-за зарева пожара. Оглушающий рев полон злобного торжества и ярости. Он беснуется среди домов, кажущихся детскими игрушками на его фоне. Запах дыма, пепла, пыли и крови забивает нос. Его огромные глаза, в которых крутятся три томоэ, смотрят прямо на меня.

Смотрю на лежащие на коленях руки, судорожно сжимая их в кулаки. Устало прикрываю глаза, не в силах утихомирить дрожь. Воспоминания и сон причудливо смешиваются, накрывая с головой. Я будто вновь нахожусь на той улице. Беспомощная, слабая, полностью зависимая от рук брата. Он единственный, кто может решить — жить мне или умереть. Я полностью завишу от действий ребенка. Да, ребенка, не взрослого. В тот день я спаслась только благодаря ему.

— Это просто сон, — на сей раз ладонь осторожно ложится мне на плечо, слегка сжимая его. Его голос спокоен, но я отчего-то не верю в это. Возникает ощущение, что он пытается убедить больше себя, чем меня.

— Знаешь, Шисуи, я этого даже ни-сану не говорила, — поднимаю на него усталые глаза. — Но у меня практически идеальная память. Я помню все с первого дня жизни в этом мире, что-то, конечно, лучше, что-то хуже, скучные и однообразные дни могут забыться или слиться в одну массу. Только то нападение сильно выбивается из серых будней, я помню, как Итачи спасался со мной на руках, как вытащил в последний момент Изуми, как крепко прижимал в убежище. И того лиса с девятью хвостами, я тоже помню.

— Я… — я вижу его растерянность, он открывает и закрывает рот, будто порываясь что-то сказать, но не решаясь.

— Так ты научишь меня распечатывать свитки или сам это сделаешь? — отворачиваюсь, смотря на лежащий на середине стола свиток. Есть хочется до неприличия, но сама я себе даже творога с фруктами забодяжить не смогу. Слишком сильно болят локти, да и голова… головокружения нет, но резкие движения мне противопоказаны, вдруг и спина тоже напомнит о себе любимой? Да и надоели мне фрукты и овощи, с редким вкраплением кисломолочной продукции! Если она вообще у нас будет, ведь за продуктами как-то все забывают ходить, что

не страшно, ведь их запас хранится в свитках. Это сразу ведет к другой проблеме, я их не могу распечатать! Просто не умею, а попросить не успеваю, брат и отец уходят из дома рано, частенько до того момента, как я встану, а после я об этом забываю до следующего утра.

— Быстро научить не получится, — он мотнул головой и просто поднял меня на руки. — К тому же, тебе надо провериться. Не нравится мне твоя шишка на затылке, да и остальное надо обработать.

— Шисуи? — удивляюсь, но как-то вяло. Боль постепенно возвращалась, уже не глушимая мрачными мыслями. И как избавиться от нее, я не знала, в местных лекарствах я вообще не разбиралась, да и убраны они были подальше от моих загребущих ручек.

— Я отведу тебя к ирьенинам, — его движения плавные, я почти не чувствую качки, когда он отправился прочь из кухни.

— У меня скоро занятия, то-сан будет недоволен, — рыпаться уже даже не пробую, все равно ничего не получится. Да и в его руках… тепло, почти, как с Итачи, но его не надо «оттаивать».

— Я его предупрежу, — рядом с тихим хлопком появляется точная копия Шисуи, которая молча кивает и стремительно исчезает.

Вздыхаю, чуть повозившись, удобнее устраиваясь на чужих руках, чтобы максимально снизить давление на слегка болящую спину. Пожалуй, Шисуи единственный человек, который предпочитает меня носить, как принцессу. Остальные либо закидывают на спину, что тоже удобно, но не с больными руками, либо прижимают к груди одной рукой. Последний вариант самый неприятный лично мне, но устраивающий отца, брат перестал так делать почти сразу, как я научилась говорить.

Плавные шаги сменяются на не менее плавный бег и прыжки. Движения настолько аккуратные, что почти не провоцируют вспышек боли, но вот именно, что почти. В итоге, мне не удается полюбоваться деревней, через которую меня отнесли прямо в госпиталь. Из-за чего не пошли к нашим медикам, я даже не спрашивала, не до того было. Все же зря я не обратила внимание на то, как упала. Посчитала, что ничего страшного не будет, на тренировках и хуже доставалось, но забыла как-то, что там я была готова падать, инстинктивно группируясь и укрепляя себя чакрой.

Госпиталь нас встречает довольно спокойно, никто даже паниковать не стал, что явились два ребенка, младший из которых был ранен. Правда, приняли нас тоже быстро, какая-то девушка не намного старше Шисуи, это было сразу понятно по тому, как она залипла на улыбке моего родича, а не только по внешности. Хотя стоит отдать ей должное, суть она уловила быстро и моментально сосредоточилась на выполнении поставленной перед ней задачи. И вскоре голова перестала так сильно болеть, а кожа на локтях обрела прежний вид, не пугая фиолетовыми разводами. Двигаться тоже стало легче, поэтому я уже более внимательно слушала рекомендации медика и задавала вопросы. Удивительно, но, несмотря на отвлекающий фактор (Шисуи никуда уходить не собирался!), ответы я получала исчерпывающиеся. Сразу видно, что она любит свою работу.

— Саске! — приятное во всех смыслах общение, прерывает влетевший в помещение Итачи. Выглядит он взъерошенным и запыхавшимся. — Как она?

— Я убрала отек на затылке и вылечила синяки на локтях, свела ушиб спины, — еще секунду назад мило улыбающаяся девушка — нахмурилась, смерив брата строгим взглядом. — Судя по виду повреждений, они получены часов восемь назад, ее следовало показать ирьенинам сразу.

— Если бы не Шисуи, я бы вообще к вам не пошла, — развожу руками, не видя ничего страшного в имевшихся повреждениях. Их бы и так заметили, когда я бы пришла на занятия.

— Так нельзя, — все кроме меня хмурятся, а я просто пожимаю плечами и многозначительно смотрю на парней.

— Я есть хочу, — а еще лучше прогулку по деревне, но озвучивать это смысла нет.

— Ты не обедала? — мысленно присвистываю от вопроса Итачи. Это же сколько времени мы провозились, раз упущенный завтрак перешел в обед? И время то, как незаметно пролетело.

— Я даже больше скажу, я еще не завтракала, — отвечаю довольно честно.

— Я же…

— Я не умею распечатывать еду, — обрываю чужую фразу на полуслове.

— Я…

— Мне жертв не надо, Шисуи уже дал согласие обучить меня этому, — складываю руки на груди и надуваюсь, переводя взгляд на заинтересованно поднявшего брови Шисуи. Он явно не понимал, когда успел дать мне такое обещание, но сдавать не спешил. Впрочем, у него наверняка после такой длительной командировки миссии, будет несколько дней отдыха. Эгоистично, конечно, требовать выделить мне пару часов из них, но выбора у меня нет, только и остается мысленно сделать заметочку, что мой должок перед ним увеличился на пару пунктов. — Я хочу мясо и данго.

— Какое… интересное сочетание, — чужие губы дрогнули в намеке на улыбку, вызывая у меня облегчение. Мои требования не показались ему чрезмерными. Хотя он и не обязан тратить свое время и деньги на меня. Впрочем, я много все равно не наем, мне просто хочется

нормальной еды. И прогулки! У меня так давно не было выходных…

К моему сожалению, прогулки не вышло. Нет, меня покормили мясом, отведя в кафешку, где можно было пожарить барбекю. Данго тоже откуда-то достали, но на этом все. Я просто вырубилась от усталости, стоило ощутить сытость. Меня даже особо не задело, что Фугаку так и не появился, да и проснувшись на следующий день, я его в доме не застала. Только Итачи, который прилежно следил за тем, как я позавтракала и отправилась на занятия.

Выходной закончился, жизнь стремительно возвращалась в прежнее русло, но меня все же обучили распечатывать свитки и вообще активировать печати. Шисуи и обучил, на мое удивление. И учитель из него получился превосходный, с этим и Итачи, какое-то время боявшийся оставлять меня без присмотра, был согласен. Кажется, он даже смирился и считал своим наказанием, что пару дней я больше липла к появлявшемуся в поле зрения Шисуи, чем к нему, и послушно его отбывал. Нашего родственника это откровенно веселило, поэтому даже если я не стремилась, он старательно меня тискал. У меня порой даже возникало ощущение, что он перепутал меня с плюшевым мишкой, но отказываться от обучения только из-за того, что он усадил меня на колени и развернул поверх свиток, терпеливо поясняя непонятное, как-то дико.

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/71427/1923771